

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РАН

Б.З. ДОКТОРОВ

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РАН В БИОГРАФИЯХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Аннотация. В статье показано, что биографические интервью с сотрудниками Института социологии РАН разных поколений могут стать эффективным инструментом исследования прошлого, настоящего и будущего этого института, российской социологии в целом. Представлен массив, включающий свыше 180 биографических интервью с российскими социологами, проведенных автором в 2004–2018 годах. Особенности истории Института социологии и российского социологического сообщества в целом проанализированы на основе биографий 51 социолога, работающего (работавшего) в институте со дня его основания в 1968 году.

Ключевые слова: Институт социологии РАН; биографические интервью; поколенческая структура российского социологического сообщества.

Для цитирования: Докторов Б.З. История Института социологии РАН в биографиях и воспоминаниях // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 2. С. 150–159. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5851

Институту социологии (ИС) РАН — полвека. Со дня основания он поменял много названий, но не это главное. Главное в том, что он существует, внес и продолжает вносить заметный вклад в развитие социологической науки и подготовку кадров, способных продолжить дело основателей Института и предложить новые пути движения нашей науки. 50 лет — по историческим меркам невеликое время для жизни научного института. Но мы всегда должны помнить, что социология в СССР рождалась трудно; парадокс, но факт: ИС — пусть и под иным «именем» — появился задолго до официального признания в нашей

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США). *Электронная почта:* bdoktorov@inbox.ru

стране социологии как науки. И все же пять десятилетий — срок вполне серьезный для изучения истории Института. Более того, недостаточное внимание к прошлому может обернуться невосполнимыми потерями. Вообще говоря, подобное уже ощущается.

Как может создаваться, оформляться история ИС? Может в виде упорядоченной серии событий, определяющих функционирование организации: смены названия; обновление руководства; формирование нового ученого совета и советов по защитах диссертаций; создание новых структурных единиц и открытие новых исследовательских направлений; начало крупных, рассчитанных на годы исследовательских проектов. Здесь же анализ состоявшихся на базе Института общенациональных, международных и другого типа социологических форумов, а также участие сотрудников Института в представительных собраниях ученых за рубежом. Безусловно, внимание историков должен привлечь процесс издания Институтом книг. В значительной степени все это можно изучать на основе специальных распоряжений и документов; планов работы отделов, секторов и отдельных сотрудников института; годовых отчетов о деятельности научных подразделений и отдельных специалистов. Такие исследования помогут воссоздать картину работы ИС, его подразделений и отдельных ученых.

Но история Института — это не только и часто не столько множество событий, а то, как они воспринимаются сотрудниками, и, конечно же, это сами исследователи и атмосфера, в которой они живут и работают. И как нет истории Института без всего того, о чем было сказано выше, так — тем более — ее нет без рассказов о тех, кто в разные годы работал в нем, и без их воспоминаний об институтской жизни. Можно сказать определенной: история Института социологии — это во многом история людей, работавших (работающих) в нем.

Не знаю, проводил ли кто-либо интервью с сотрудниками ИС до Г.С. Батыгина [2], но за последние годы набралось солидное количество таких бесед о жизни и о социологии. Все это — ценный материал для историко-социологического анализа, для дальнейшего написания и уточнения истории Института. В настоящей статье я хочу представить еще одну информационную базу для подобных разработок. Она не создавалась специально, но сложилась в процессе биографических интервью, проводившихся автором в 2005–2018 годах и охвативших социологов разных поколений. За это время проведено свыше 180 бесед с учеными большого числа государственных исследовательских центров и университетов, а также независимых аналитических и учебных организаций во многих городах страны. Полная информация об этой коллекции интервью представлена в интерактивной книге [1].

Я не ставил перед собою задачу целенаправленного опроса сотрудников ИС, но мне представляется вполне обоснованным, отвечающим истории, логике становления и развития социологии в СССР / России тот факт, что немногим менее трети всех представленных в коллекции интервью были проведены с теми, кто работал / работает или учился в очной аспирантуре Института. 51 фотография социологов, жизнь которых напрямую связана с ИС, образует «Большой портрет» ученых ИС РАН¹ (автор этого коллажа Е.И. Григорьева). Каждое интервью — уже фрагмент истории Института, вся совокупность воспоминаний — многоаспектный рассказ о становлении и развитии социологической академической науки в Институте и стране за 50 лет. Сказанное — не заявление общего характера, а аргументируемое утверждение.

В данном случае я не использую слово «выборка», поскольку крайне сложно обозначить границы генеральной совокупности — все сотрудники московской части ИС за полвека. Тем более крайне затруднительно охарактеризовать количественно эту совокупность. Исходно героями интервью, за редким исключением проводившихся по электронной почте, были ветераны науки, известные в стране и за рубежом ученые, внесшие значительный вклад в зарождение и развитие социологии. Во всех случаях не было сомнений в том, что интервью с ними непременно должны быть учтены при анализе истории социологии в стране. Затем отбор для бесед производился экспертным путем, в том числе по процедуре «снежного кома». И опять, подчеркну, в первую очередь учитывалось значение проведенных специалистами исследований, полученных ими результатов, а не место их работы. Но — и это бесспорный факт — в Институте немало исследователей отмеченного уровня.

Все интервью я провожу лично, поэтому процесс сбора информации занял более десяти лет, и вполне возможно, что в ближайшее время «Большой портрет» еще несколько увеличится. Но здесь следует отметить три принципиальных обстоятельства.

Первое, количество и состав моих собеседников определяется не только моим пониманием процесса развития социологии в стране и в ИС, не только желанием провести интервью с теми или иными учеными, но и их возможностями, их готовностью поделиться воспоминаниями. Поначалу, в 2005–2007 годах, приходилось учитывать и тот факт, что далеко не все потенциальные респонденты умели пользоваться электронной почтой, однако постепенно значение этого фактора снижалось, и теперь фактически все, с кем я хотел бы побеседовать, свободно пользуются электронной почтой. Второе обстоятельство — далеко не все, к кому я обращался с предложением

¹ См.: URL: <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=253>.

рассказать о себе, отвечали согласием. Некоторых после нескольких попыток я уговаривал, но есть и «крепкие орешки». Обидно, но ничего не поделаешь.

Назову следующий принципиальный момент, который, естественно, сказывается на реализации общего замысла историко-социологического проекта, базирующегося на данных биографических интервью. Речь идет о том, что к настоящему времени уже немалое число социологов, оставивших заметный след в нашей науке, ушли из жизни, так что метод интервью, конечно же, не универсален. Значит, для изучения биографий этой группы социологов следует использовать иные методы. Информацию об ушедших ученых приходится извлекать из их публикаций (к сожалению, в них ее крайне мало), а также обращаться к их коллегам, друзьям, родным. В целом это направление анализа получило название: «о тех, кто сам о себе уже не расскажет...». С применением разных способов сбора информации были сделаны очерки и клипы о Г.С. Батыгине, Б.А. Грушине, Я.С. Капелюше, Н.Я. Мазлумяновой, В.Б. Ольшанском, Б.С. Рабботе, Ф.Р. Филиппове, В.Н. Шубкине. Несложно допустить, что время будет усиливать актуальность данного исследовательского направления, таким образом возрастает значимость разработки соответствующей методологии.

В связи с этим сделаю два коротких замечания. Первое касается обобщения опыта интервьюирования социологов и написания биографических текстов о них. К настоящему времени их сделано немало, назову книги о Б.А. Грушине и о В.А. Ядове и некоторые небольшие (от 0,5 до 1,5 авторских листов) статьи, эссе об А.Н. Алексееве, Г.С. Батыгине, В.Б. Голофасте, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомысловом, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсове. Опыт показывает относительность различий в работе над биографическим интервью и биографической статьей. В обоих случаях речь идет об общении, но в одном случае — о живом, с респондентами, а в другом — о мысленном, с героями биографических повествований. В некоторых случаях это мысленное общение оказывалось настолько глубоким, что требовались недели на выход из него.

Второе замечание касается перспектив извлечения биографической информации из книг, статей социологов. В принципе это возможно, поскольку творчество социологов — «автобиографично», как автобиографично то, что делают композиторы, представители изобразительного искусства, писатели, особенно — поэты. Но если биографичность художников — в широком смысле — общеизвестна, то о биографичности социологической деятельности известно мало. В чем она проявляется? Изучение проведенных интервью позволяет говорить о высокой степени биографичности самого выбора профессии «социолог»; часто этот выбор респонденты объясняют действием случайных обстоятельств. В действительности же такая «случайность»

обнаруживает свои социокультурные предпосылки. Пусть мое утверждение не покажется мистификацией, так как его истоки — в анализе множества биографических интервью с социологами: течение жизни «заводит» человека в то узкое социально-культурное пространство, в котором — с учетом его предыдущего опыта — вероятность проявления такого «случая» оказывается немалой. Во многом биографичен и выбор первых исследовательских направлений. Но и в дальнейшем деятельность социолога биографична, поскольку каждый его новый шаг в жизни, в профессии — продолжение уже пройденного маршрута.

Замечу, что уже после проведения интервью среди сотрудников ИС старшей когорты не стало: А.Г. Здравомыслова, В.В. Колбановского, И.И. Травина, В.А. Ядова. Это еще раз указывает на необходимость целенаправленного, систематического сбора биографической информации, особенно относящейся к социологам старших поколений. На смерть В.В. Колбановского я написал текст, озаглавленный: «Еще одна дверь в наше прошлое закрылась. Навсегда...». И трудно сосчитать, сколько еще дверей закрылось.

В целом же собранная коллекция — повторю, более 180 биографий — уже сейчас позволяет предложить вариант «человеческой» истории отечественной социологии, которая не заменяет собой другие подходы к прочтению нашего прошлого-настоящего, но «работает» наряду с ними. Во-первых, такая «антропологизированная» история позволяет нам увидеть человеческий потенциал советской / российской социологии и рассмотреть, как происходило формирование нашего профессионального сообщества. В иных масштабах, но в таком же формате данная задача может решаться и на уровне Института социологии или, скажем, региональных социологических школ. Так, в 2015–2016 годах удалось подготовить и издать коллекции интервью с социологами Екатеринбурга, Тюмени, Поволжья и Дальнего Востока. В них, даже при анализе относительно небольшого количества интервью, удалось выявить некоторые характерные для регионов особенности развития социологии.

Более десяти лет я развиваю идею поколенческой стратификации советского / российского социологического сообщества, согласно которой в настоящее время вся совокупность социологов, работавших и работающих, в нашей науке делится на семь страт, или поколений.

Опущу детали, все это многократно рассматривалось в моих публикациях, а лишь коротко обозначу принцип выделения поколений по годам рождения. Выделяются I и II поколения, объединяющие социологов, родившихся в интервале конец 1920-х — 1934 гг.; этот случай получил название «один возраст — два поколения». Затем следуют 12-летние поколенческие образования: III поколение (1935–1946), IV (1947–1958), V (1959–1970), VI (1971–1982) и VII

(1983–1994). Легко понять, что в наше сообщество начали входить и представители VIII поколения (1995–2006), ведь старшим из них уже 23–24 года: завершено высшее образование, кто-то уже обучается в аспирантуре, работает в науке на стартовых научных должностях.

Эта типология стала рассматриваться мною в 2007 г., представляется, что она позволяет вскрыть и анализировать динамику, изменчивость современной российской социологии на разных уровнях: предметном, объектном, методолого-методическом, стилевом, тем более — кадровом. Но сейчас укажу новую классификацию в рамках теоретико-эмпирического изучения прошлого-настоящего, отчасти — будущего. Я лишь недавно приступил к ее рассмотрению и пока называю ее «формационной». Речь идет о разбиении совокупности социологов, причастных к развитию нашей науки, на три группы: советские, советско-российские и российские.

Первые — это те, кто начинал свою работу в социологии в советское время и в силу тех или иных обстоятельств (смерть, эмиграция, смена профессии и т. д.) в начале 1990-х или раньше ушел из социологической науки. Вторые — социологи, имеющие опыт работы в советское время и в период после начала 1990-х; третья группа — социологи без опыта работы в советское время.

Первая группа — по всем объективным причинам сейчас малочисленна, тем более что в 1960-е — 1980-е годы количество социологов всегда было небольшим. Всем этим социологам сейчас за 80, а то и под 90 лет. Вторая группа весьма неоднородна по возрастному составу: старшие приближаются к 90-летию, младшим около 60 лет. Если допустить, что в основном в начале 1990-х в социологию шли недавние выпускники университетов и институтов (22–24 года), то получается, что старшим ее представителям, родившимся в последней четверти 1960-х, сейчас 50 лет с небольшим; самые младшие родились в 1993–1995 годах, они недавно завершили основной курс университетов, им еще нет 25 лет. Не имея возрастной статистики российского социологического сообщества, невозможно говорить о «весе» этих трех групп в совокупном множестве социологов страны, но мне кажется, что собственно «российская» часть работающих социологов уже сейчас самая многочисленная. Однако если это не так, то именно так будет в самое ближайшее время.

Теперь обратимся к «Большому портрету» ИС РАН. Из 51 человека, чьи фотографии его образуют, пятерых можно отнести к первой группе: Я.С. Капелюша (1937–1990), С.А. Клигера (1946 г.р.), Б.С. Раббота (1930–2011), Ф.Р. Филиппова (1924–1990) и В.Э. Шляпентоха (1926–2015). Двое умерли в последние годы существования СССР, накануне рождения постсоветской России, и трое — эмигрировали до 1991 года. И хотя в эмиграции они продолжали социологические

исследования советской и российской действительности, они работали уже в ином социальном контексте.

В действительности проведенные интервью содержат не только информацию о социологах, с которыми я беседовал, в них есть воспоминания об их наставниках, старших коллегах: Е.Ю. Рождественская рассказала о Н.С. Мансурове (1921–2013), В.В. Семенова и Ф.Э. Шереги — о А.Г. Харчеве (1921–1987).

Третью группу — «российские» — представляют тоже пять человек: Р.Н. Абрамов, Д.Г. Подвойский, Е.С. Попова, Д.М. Рогозин и Е.В. Ядова. Мне сложно сказать, как много представителей этого возрастного диапазона работает в ИС, возможно, в ближайшие годы я смогу побеседовать еще с кем-либо из молодых. Беседа с ними — это установление связи между прошлым и настоящим, одновременно — взгляд в будущее. Легко понять, что вскоре именно представители этой страты будут определять политику и лицо академической науки.

В целом среди более 180 моих собеседников насчитывается 40 с небольшим представителей рассматриваемой страты, или порядка 24–25% всего массива социологов. Очевидно, что эта третья группа не просто моложе двух первых, она — из другого социального времени. Ее представители — как правило, дипломированные социологи, а не, по словам В.А. Ядова, «самоучки»; они не сомневаются в самостоятельности социологии как науки; свободны от религиозного марксизма; не знают, что такое цензура и выездные комиссии, через которые должен был проходить любой человек, отправлявшийся за границу даже на несколько дней. Не редкость в этой страте — обучение и получение научных степеней в зарубежных университетах, участие в многолетних международных исследовательских проектах, публикации в иностранных журналах, для многих стало обычным участие в международных научных форумах и т. д.

Я долго не интервьюировал социологов этой группы, в рамках моего изучения прошлого они казались мне «слишком» молодыми. Но на рубеже 2014–2015 годов, когда начались беседы с ними, мне пришлось пересмотреть эту точку зрения. Во-первых, изучая их пути в социологию и направленность их деятельности, понимаешь, насколько значительны изменения во всех нишах нашей социологии, произошедшие за постперестроечные годы. Во-вторых, появились реальные предпосылки для анализа тонких механизмов синтеза традиций советской социологии и новой российской. В третьих, изучение молодых — это уже предсказание нашего будущего. До середины текущего века осталось всего три с небольшим десятка лет. Значит, сегодняшним 30-летним будет 60 лет, а 40-летним — 70 лет; таким образом, мы уже сейчас имеем представление о социологах будущего.

Все отмеченное выше указывает на то, что доминирующей по численности в моем историко-социологическом портрете ИС является группа советских / российских социологов — 41 человек. Это в полной мере отвечает логике, замыслу исторического исследования и, скорее всего, возрастной структуре Института.

За полвека в нем проработало большое число сотрудников. Конечно, для восстановления и понимания истории организации были бы важны и интересны биографии и воспоминания как можно большего числа людей. Тем более представляет ценность информация о тех, кто руководил ИС в разные годы и чья деятельность в значительной мере определила (определяет) и жизнь всего нашего профессионального сообщества, и отношение к социологии в стране.

Среди моих собеседников — три человека, в разное время возглавлявших ИС: Н.И. Лапин (1971–1972, и. о. директора), В.А. Ядов (1988–2000, директор) и М.К. Горшков (с 2005 г. по настоящее время, директор). Назову и беседу с Г.В. Осиповым, который внес значительный вклад в организацию Института. Мне не удалось провести интервью с М.Н. Руткевичем, руководившим институтом в 1972–1976 годах, но о стиле его деятельности вспоминали многие мои собеседники.

ИС уже многие годы является центральным элементом сначала Советской социологической ассоциации, а с 1992 года — Российского общества социологов. В моей коллекции есть интервью со следующими президентами этих общественных организаций, в разные годы работавшими в ИС: Г.В. Осиповым, А.Г. Здравомысловым, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядовым.

Также проведена серия интервью с сотрудниками ИС, занимавшими ключевые положения в академических социологических журналах. Журнал «Социологические исследования» представлен Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовским и новым главным редактором — Г.А. Ключаревым; «Социологический журнал» — Л.А. Козловой, В.А. Ядовым и Д.Л. Константиновским. О Г.С. Батыгине, создателе «Социологического журнала» и заместителе первого главного редактора журнала «Социологические исследования» А.Г. Харчева, написан биографический очерк.

Воспоминания социологов зрелого и старшего возраста, работающих в разных городах, позволяют узнать, какие социологические книги сыграли решающую роль в выборе ими профессии, в их профессиональном становлении, становлении самой российской социологии в 1960–1980-е гг. Таких книг немного, назову их: «Мир мнений и мнения о мире», «Прикладная социология: методология и методы: Учебное пособие», «Рабочая книга социолога», «Социология для всех», «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы», «Человек и его работа». Рождение всех этих книг связа-

но с деятельностью ученых ИС, представленных на «Большом портрете»: Б.А. Грушина, М.К. Горшкова, А.Г. Здравомыслова, Г.В. Осипова, Ф.Э. Шереги и В.А. Ядова. В числе названных отмечу также книгу Т. Шибутани «Социальная психология», переведенную В.Б. Ольшанским.

Несомненно, как человек многие годы работающий в социологии и уже давно вовлеченный в изучение нашей истории, я испытываю позитивные эмоции от того, что мне все же удалось провести интервью с теми, кто стоял у истоков Института. Назову их: А.Г. Здравомыслов, В.В. Колбановский, Н.И. Лапин, Г.В. Осипов, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов. Кроме того, на базе собранных воспоминаний написаны биографические тексты о Б.А. Грушине, Б.С. Работе и В.Н. Шубкине.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докторов Б.З.* Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е доп. изд. / Ред.-конс. А.Н. Алексеев; ред. электр. издан. Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014–2018 [электронный ресурс]. Дата обращения: 15.06.2018. URL: <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>.
2. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Дата поступления: 17.06.2018.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2018. VOL. 24. No. 2. P. 150–159. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5851

B.Z. DOKTOROV

Independent researcher, USA.

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Independent researcher (USA).

Email: bdoktorov@inbox.ru

HISTORY OF THE INSTITUTE OF SOCIOLOGY OF THE RAS

IN BIOGRAPHIES AND RECOLLECTIONS

Abstract. The article shows that biographical interviews with the researches of the Institute of Sociology of the RAS of different generations can be an effective tool for studying the past, present and future of this institution and Russian sociology in general. An array of over than 180 biographical interviews with Russian sociologists, conducted by the author in 2004–2018, is presented. The essential features of the history of the Institute of Sociology and the Russian sociological community as a whole are analyzed on the basis of the biographies of 51 sociologists who have worked (are working) at the Institute since its foundation in 1968.

Keywords: Institute of Sociology; Russian Academy of Sciences; biographical interviews; generation structure of the Russian sociological community.

For citation: Doktorov B.Z. History of the Institute of Sociology of the RAS in Biographies and Recollections. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 150–159. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5851

REFERENCES

1. Doktorov B.Z. *Biograficheskie interv'yu s kollegami-sotsiologami*. [Biographical interviews with colleagues-sociologists.] 4th Suppl. ed. Ed. by A.N. Alekseev, E.I. Grigor'eva. Moscow: TsSPiM publ., 2014–2017. Accessed 01.02.2018. URL: <http://www.socio-prognoz.ru/index.php?page_id=128&id=69>. (In Russ.)
2. *Rossijskaja sociologija shestidesjatyh godov v vospominanijah i dokumentah*. [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents.] Ed. and predf. by G.S. Batygin; ed. by S.F. Jarmoljuk. St Petersburg: Russkij hristianskij gumanitarnyj institut publ., 1999. (In Russ.)

Received: 17.06.2018.
